

- на тэрыторыі павета, 1926 г.
12. Свойскі. Як спатыкаюць п. Паўлюкевіча / Свойскі // Сялянская ніва. – 1926. – № 17. – С. 4.
  13. Міткевіч, А. Ліст у рэдакцыю / А. Міткевіч // Беларускае слова. – 1926. – № 18. – С. 4.
  14. Спроба сілаў // Беларускае слова. – 1926. – № 16. – С. 2.
  15. Спэкуляцыя на беларускасьці // Беларускае слова. – 1926. – № 16. – С. 3.
  16. Мэморыял Часовай Беларускай Рады да пана Прэзьдэнта Рады Міністраў // Беларускае слова. – 1926. – № 19. – С. 4.
  17. Засьляпеньне // Беларускае слова. – 1926. – № 25. – С. 1.
  18. Наш шлях // Беларускае слова. – 1927. – № 3. – С. 1 – 2.
  19. Маёвы пераварот // Беларускае слова. – 1927. – № 11. – С. 2.

УДК 94:329.36(476)

И. И. ЯНУШЕВИЧ,

В. Е. ГУРСКИЙ

(МИНСК, БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ)

АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРУКТУР В БССР НАКАНУНЕ «ГОДА ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА»

В статье анализируются взаимоотношения властей и православной церкви в БССР в 1920-е гг. и накануне 1929 г., отмечается их противоречивый характер. Авторы статьи указывают на то, что в конце 1920-х гг. в руководстве коммунистической партии победила точка зрения о необходимости широкомасштабного наступления на религию и церковь.

Для Православной церкви в БССР, как и в СССР в целом «год великого перелома» стал началом периода особо тяжелых испытаний. Церковь по сути осталась единственным общественным институтом напрямую решениям компартии. Подобное было недопустимо в рамках политической системы не приемлющей никакой иной точки зрения кроме точки зрения высшего партийного руководства как в центре так и на местах. Рубеж десятилетия явился переломным. Предпосылки произошедших изменений, безусловно, были заложены гораздо раньше. Отношение пришедшей к власти в 1917 г. в Петрограде партии большевиков было однозначным – уничтожение религии как мировоззренческой позиции. При этом на практике толкали их на это не только и не столько идеологические установки как вся формируемая ими политическая система, режим власти. Лидеры большевиков отчетливо понимали, что реализуемая ими внутренняя и внешняя политика не найдет сколь либо широкой поддержки в массах. За якобы оправданной жесткой позицией к оппонентам в период интервенции и гражданской войны должен был последовать этап формирования государственности на социалистической основе отвечающий чаяниям народа. Выдвигаемые же лозунги и методы их реализации не увеличивали число сторонников и поэтому большевикам что бы сохранить власть необходимо было укреплять свои позиции в первую очередь посредством уменьшения скрытых и явных оппонентов, при этом механизмы ликвидации несогласных должны были подбираться исходя исключительно из их эффективности. Существование в обществе альтернативного мнения было для большевиков на самом деле весьма опасным. Особенно это касалось территории той же Беларуси, где имелись определенные демократические традиции, а интеллигенция, как наиболее как наиболее активная часть населения по своему составу и политическим взглядам была близка к крестьянству. Крестьянство в свою очередь наименее активно отходило от Церкви, а в годы нэпа экономически укрепилось. Представители интеллигенции и группа белорусских священнослужителей ставили вопрос об автономии Белорусской православной церкви. В подписанном ими послании от 17 июня 1922 г. говорилось: «Рост народного самосознания, которое определилось в акте провозглашения Белорусской Советской Республики, должен был рано или поздно отозваться последствиями в области церковной жизни... Белорусская церковь должна быть признана управляющей в своем внутренней жизни на основах автономии согласно церковных правил и канонов» [1, с. 51]. Епископ Минский и Туровский Мелхиседек, не придавая особого значения

данному вопросу, основываясь на письмах патриарха Тихона и его временного местоблюстителя митрополита Агафангела, повел линию на автономию. 10 июля 1922 г. в Минском Кафедральном было объявлено о провозглашении автономии Белорусской церкви. Создавалась Белорусская митрополия на территории БССР. Епископ Мелхиседек назван митрополитом Минским и Белорусским.

Выброшенная на обочину общественной жизни интеллигенция активно отходила от своих нигилистически-атеистических дореволюционных традиций и, по выражению члена Агитпропа ЦК КП(б)Б Р. Шукевича, «теперь усиленно выпячивала свою религиозность» [2, л. 13]. Нарком просвещения А. Луначарский в ответ на усилия профессоров, врачей, учителей, инженеров по возрождению церковной жизни тягостно восклицал: «Куда у вас совесть делась» [3, с. 161]. В сентябре 1925 г. на Всебелорусском совещании агитаторов и пропагандистов была по этому поводу принята резолюция: «В связи с тем, что антирелигиозный вопрос в Беларуси переплетается с национальным, на антирелигиозную пропаганду следует обратить надлежащее внимание, для чего поставить вопрос о подготовке кадров антирелигиозников отдельно по каждому культу» [4, л. 10]. Однако при рассмотрении этого вопроса на заседаниях ЦК КП(б)Б и коллегиях Агитпропа постоянно отмечалась неудовлетворительная работа нацсекций на антирелигиозном направлении. Между тем назревала новая проблема. 18 июля 1927 г. на Бюро ЦК ВКП(б) рассматривалось политическое положение в БССР. В. Кнорин отмечал «усиление нацдемов и разговоров о независимости Белоруссии» [5, л. 70]. 10 августа 1927 г. на съезде православного клира и верующих заявили о провозглашении Белорусской Автокефальной Церкви. Так как назначения новых священнослужителей должно было проходить из числа поддерживающих идею автокефалии, а значит из местного духовенства то это, в свою очередь, усиливало позиции нацдемов, православной интеллигенции в глазах верующих на волне проводимой в республике белорусизации. Важно отметить, и это было известно очень ограниченному кругу сотрудников ОГПУ и ЦК, что инициатива провозглашения автокефалии принадлежала именно перечисленным партийно-государственным структурам с целью дробления Церкви и поддержания всякого рода расколов. С пропагандистской же точки зрения сочетание «открытой антисоветской агитации духовенства» с национальными взглядами «истинно белорусской» творческой интеллигенции (Купала, Горецкий, Колос) [6, л. 105] создавало в таких условиях

непосредственную угрозу для идеологической надстройки существующего режима.

В постановлении XI съезда Компартии Беларуси, который проходил 22–29 октября 1927 г. отмечалось: «Частка беларускай інтэлігенцыі на аснове беларусізацыі спрабавала пашырыць свой нацыянальна-шавіністычны уплыў і ажыццявіць дробнабуржуазныя ідэалы» [7, с. 243]. В скором времени национал-демократизм становится «главной опасностью современного этапа развития». Особое внимание на антирелигиозную борьбу ЦК КП(б)Б вынуждено было обратить в конце 1927 г. В постановлении Бюро ЦК, в частности, отмечалось, что «несмотря на наличие целого ряда директив со стороны ЦК об усилении антирелигиозной работы, эта работа остается все еще не развернутой, проводимой от кампании к кампании и в целом неудовлетворительной, ни в коем случае не способной противостоять работе религиозных организаций на фоне возрастающей классовой борьбы» [2, л. 1]. Бюро ЦК потребовало от Агитпропотдела усиления антирелигиозной работы и систематизации, поиска новых методов. Секретарь ЦК КП(б)Б В. Кнорин категорически заявил: «Нельзя здесь быть мягко настроенным. Вопрос этот получает сугубо большое политическое значение. И если мы не обратим на это своевременного внимания, мы проморгаем здесь очень многое, мы проморгаем важнейший пост, на страже которого мы поставлены» [8, л. 27]. В разработанной Секретариатом и Агитпропом ЦК КП(б)Б резолюции «О положении и задачах антирелигиозной работы в БССР» предполагалось начать широкое наступление атеистической агитации и пропаганды по всем имеющимся направлениям.

Весной 1928 г. секретарь ЦК КП(б)Б В. Кнорин констатировал: «Сейчас мы наступаем на религию, а поп и ксендз наступают на нас. Мы с трудом удерживаем те позиции, которые имели несколько лет назад, больше того, мы, очевидно, отступаем от этих позиций...» [8, л. 26]. И только жесткие меры могли реально исправить положение. Большинство ответственных за антирелигиозную работу товарищей утверждали, что процесс отхода трудящихся от религии чрезвычайно медленный по многим объективным причинам. Во-первых, это слабость антирелигиозного актива по сравнению, по словам Ем. Ярославского, с «целой армией попов, ксендзов, проповедников» и т. д. Из 8 000 членов Союза безбожников активных и штатных сотрудников было значительно меньше. Даже после применения жестких административных мер по чуть ли не огульному зачислению в «безбожники» в 1929 г., на первое января 1930 г. в рядах СБ республики насчитывалось 42 200 человек, а в 1932 г.

217 000 объединяли 3 000 ячеек [9, с. 175]. Примерно столько же религиозных общин было официально зарегистрировано в БССР в 1928 г. Точного учета ячеек «безбожников» в Центральном совете СБ не имелось, но их было, безусловно, намного меньше, чем религиозных общин. Духовенство было хорошо подготовлено, обучено, опиралось на многовековые традиции, в большинстве своем фанатично предано своему делу, готовое к любым мерам властей. «Безбожники», в основном, не отличались особо высоким уровнем образования, способностью методически верно довести до простого обывателя идеи материализма, а массы не были готовы к восприятию сложного и запутанного материала. Руководство СБ, их лекторы были в глазах многих верующих представителями ненавистного режима. Промышленное строительство, коллективизация, безработица, недостаток продуктов питания и товаров повседневного спроса, всевластие партийцев и бесправие народа – все это отворачивало людей от Советской власти и заставляло искать отдушину в религии, связывать с верой все свои надежды и помыслы.

В таких условиях распространение атеистического мировоззрения было чрезвычайно затруднено. Секретарь ЦК КП(б)Б В. Кнорин отмечал: «Успехи религиозного движения являются показателем того, что мы с той колоссальной задачей, которая перед нами стоит – распространения антирелигиозного влияния над рабочим классом – не справились» [8, л. 27]. Тягаться с религиозностью в создавшихся в конце 1920-х гг. условиях цивилизованным способом властям не представлялось возможным. Не было единства и в руководстве партии по данному вопросу. В условиях внутрипартийной борьбы, итоги которой воплощались в жизнь в решениях конца 1920-х гг., церковный вопрос отражал групповую принадлежность. Как уже отмечалось ЦК компартии регулярно рассматривал вопросы антирелигиозной работы и практически во всех постановлениях и решениях отмечалось неудовлетворительное состояние дел по данному направлению. Кроме уже указанных причин представляется важным еще и отношение самой партии к этому вопросу, ее практические действия в борьбе с религией как структуры определяющей и направления, и содержание работы. Далеко неоднозначной была антирелигиозная работа внутри самой компартии по отношению даже к своим членам и кандидатам в члены РКП(б). Пункт XIII Программы однозначно негативно определял отношение партийцев к религии и церкви, более того В. И. Ленин по отношению к нарушителям коммунистам и кандидатам категорически заявлял: «...Гнать вон из партии» [10, с. 77]. На практике в такую однозначную позицию приходилось

вносить некоторые коррективы. Борясь за чистоту своих атеистических рядов, инструкция ЦК РКП(б) требовала: «Не принимать в партию, даже в кандидаты тех, кто выполняет какие-либо обязанности священнослужителей любого из культов, как бы незначительны были эти обязанности» [11, л. 21]. Имевшее место исполнение таких обязанностей членами и кандидатами в члены партии должно было ими немедленно прекращено, иначе им грозило исключение из рядов РКП(б).

Недостаточное количество граждан, имеющих возможность, а зачастую и желание, полностью порывать всякие взаимоотношения с церковью, вынудило руководство партии пойти на определенный компромисс по религиозному вопросу для вступающих в ее ряды. И потому пункт 3 инструкции «О постановке антирелигиозной пропаганды и нарушении пункта XIII Программы» гласил: «Если экономические, семейно-бытовые условия вступающих в партию новых членов или состоящих в настоящее время в партии ставят их в тесную зависимость от окружающих, не порвавших с церковью..., то организация может принимать их в кандидаты и проводить их в члены партии после соответствующего с их стороны заявления» [11, л. 21]. В реальной жизни большинство рабочих и подавляющее число крестьян, по словам заведующего Агитпропом ЦК РКП(б) Ем. Ярославского, не могли «без церкви и попа ни родиться, ни жениться, ни умереть» [12, с. 36].

Если к простым коммунистам были определенные снисхождения в религиозном вопросе, то «члены партии, занимающие ответственные посты, ведущие активную советскую или партийную работу, за нарушение партийной программы в области религиозной, за связь с теми или иными религиозными культами исключаются из партии» [11, л. 21]. Таким образом, руководители практически всех уровней, проявившие каким-либо образом свое несогласие с пунктом XIII Программы, лишались должностей, выбрасывались из общественной жизни. К примеру, политрука Бобруйского укома Ландова за венчание в церкви ЦБ КП(б)Б исключил из партии, хотя вопрос о его коллеге за отказ от мобилизации «оставили открытым» [13, л. 76]. Обо всех дисциплинарных воздействиях партии по вопросу о нарушении пункта XIII громко заявлялось в прессе наряду с партийными материалами. Тщательно рассматривались такие случаи на заседаниях партячеек с привлечением на них рабочих и крестьян.

Сложнее было подчинить пункту XIII старых большевиков, которые «в своей революционной борьбе или работой в пользу революции, защитой ее в опаснейшие моменты доказывали свою

преданность коммунизму» [11, л. 21]. А они-то были зачастую не согласны с такой жесткой, неоправданной политикой властей, противоречащей даже взглядам большинства пролетариата и беднейшего крестьянства. С ними «нельзя было ограничиваться одними репрессиями. Члены ячейки должны быть внимательны к товарищу, стараясь вытравить его религиозность...» [11, л. 21]. В противовес сдержанному подходу к церковному вопросу Л.Троцкий со своими сторонниками постоянно требовал проведения жесткой антирелигиозной политики. Ему принадлежали идеи массового уничтожения священнослужителей как составной части контрреволюции, варварского вскрытия мошей, грабежа Церкви в 1922 г. Следует отметить, что с 1923 г. Троцкий утратил возможность проводить свои решения в ЦК и, безусловно, не случайно, что в это же время практически прекратились дерзкие общесоюзные антирелигиозные выпады [14, с. 20–24]. В статье «Водка, церковь, кинематография» за январь 1923 г. он доказывал, что дескать с религией не стоит бороться всерьез, глубоко, а достаточно лишь культурнических усилий [15].

Подобные мысли высказывались и в конце 1920-х гг., но победила точка зрения о необходимости широкомасштабного наступления на религию и церковь. Имевшая место определенная либерализация в религиозном вопросе, когда того же священнослужителя не сразу расстреливали с семьей, а только после определенной судебной или внесудебной процедуры отправляли в места заключения, не вписывались в новую политическую модель государственного устройства. В агитационно-пропагандистской сфере основная нагрузка по-прежнему ложилась на плечи СБ, в дальнейшем Союза воинствующих безбожников, но уже под непосредственным контролем Секретариата ЦК и местных партийных организаций. В помощь «безбожникам» при ячейках партии и комсомола создавался институт уполномоченных по антирелигиозной работе, выделяя для этого партийцев имеющих стаж работы. К началу 1928 г. стало ясно, что необходим ответственный антирелигиозник, отвечающий лишь за эту работу. Резолюцией Секретариата вводилась штатная оплачиваемая единица антирелигиозника по всей партийной вертикали. В бюджет страны вводилась статья расходов специально для СБ. Советские, профсоюзные, кооперативные и добровольные общественные организации обязывались «наметить конкретные мероприятия по втягиванию своего актива в антирелигиозную работу, обеспечить проводимую работу необходимой организационной и материальной помощью» [16, л. 16]. Твердые ассигнования на

антирелигиозную работу должны были установить комсомольские и общественные организации, предприятия и политпросветучреждения. Таким образом, ситуация для партийно-государственных структур в церковном вопросе накануне «года великого перелома» развивалась весьма противоречиво. С одной стороны никто из партийного руководства не отрицал важности антирелигиозной деятельности, с другой были гораздо более значимые государственные задачи, решение которых обострение отношений с религиозными организациями только мешало. После фактического огосударствления всех общественных организаций оставлять структуры несоциалистической ориентации высшее партийное руководство посчитало вредным и ненужным никому примером. Победа в идеологическом противостоянии при сложившейся расстановке сил не представлялась возможной, а использование церковного вопроса порождало не нужное основному политическому руководству противостояние. По мнению И.В. Сталина дальнейшее продвижение по пути успешного постарения социалистического государства было возможно только при условии концентрации всей полноты власти в руках единого центра. РПЦ в сложившихся на тот период условиях выступала идеологическим оппонентом, для победоносной борьбы с которым за агитационно-пропагандистской ширмой необходимо было выстраивать систему ликвидации церковно-приходских структур, в том числе и путем уменьшения количества их участников.

Список использованных источников и литературы

1. Праваслаўе ў Беларусі і ў свеце. – 1993. – №1.
2. Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ). – Фонд 4. – Оп. 7. – Д. 122.
3. Цыпин, В. Русская Церковь (1917–1925) / В. Цыпин. – М.: Изд. Сретенского монастыря, 1996. – 189 с.
4. НАРБ. – Фонд 4. – Оп. 7. – Д. 9.
5. НАРБ. – Фонд 4. – Оп. 21. – Д. 417.
6. НАРБ. – Фонд 4. – Оп. 21. – Д. 42.
7. Нарыс гісторыі беларускай дзяржаўнасці: XX стагоддзе //рэдкал. А. А. Каваленя і інш. – Мінск: Беларуская навука, 2008. – 615 с.
8. НАРБ. – Фонд 4. – Оп. 7. – Д. 168.
9. Навіцкі У. І. Змена канфесіянальнай палітыкі дзяржавы ў 20–30 - я гг. XX-га ст. // Канфесіі на Беларусі. В. В. Грыгор'ева, У. М. Завальнюк, У. І. Навіцкі, А. М. Філатава. – Мінск: Экаперспектыва, 1998.
10. Яраслаўскі Ям. Царква і дзяржава / Ям. Яраслаўскі. – Мінск: 1937. – 137 с.